

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

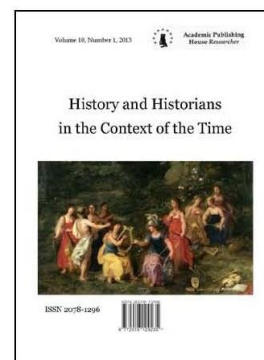
Published in the Slovak Republic
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 2003.

ISSN: 2078-1296

E-ISSN: 2310-6239

2017, 15(1): 49-60

DOI: 10.13187/hhct.2017.1.49

www.ejournal3.com

Kurdistan and the "Kurdish Issue" in the "Oriental Policy" of Russia

Nugzar Ter-Oganov^{a, *}^a Tel Aviv University, Center for Iranian Studies, Tel Aviv-Yafo, Israel

Abstract

Since the two Moslem countries – Ottoman Turkey and Qajar Iran – had lost their wars to Russian empire, their adjacent provinces, especially Kurdistan became an object of keen interest of their northern neighbor.

According to the calculations, made by the Russian political and military figures at the end of XIX – beginning of XX c., Kurdistan could play a role of the bridgehead in the future military campaigns. That is why close to the World War I, the Staff of the Caucasian military district had intensified his exploration of the Kurdistan region, meanwhile looking for a way how to resolve the so-called "Kurdish issue".

As the best illustration of the Russian approach how the military circles looked at the problem of Kurdistan, and accordingly to the "Kurdish issue", could be considered "A Short Note on How to Rule over the Kurds, and regarding the Needs of the Russian Kurds" of the Russian Intelligence officer, Staff-Captain K.N. Smirnov. The note was composed by him at the very beginning of the WWI, on 14 December, 1914.

Keywords: "Kurdish issue", Russian Empire, Turkey, geopolitical interests.

1. Введение

В истории Российской империи начало XIX столетия ознаменовалось немалыми территориальными приращениями на Кавказе. В результате продолжительных войн с Ираном и Османской империей, завершившихся подписанием в 1828 г. Туркманчайского, а в 1829 г. Адрианопольского мирных договоров, к России отошло все Закавказье.

Вслед за проведением военно-административных реформ Закавказье стало составной частью Российской империи. Отныне Россия стала непосредственно граничить на юге с Османской империей и Ираном. Соседство с двумя крупнейшими мусульманскими государствами особенно обострил интерес России к граничащим с ней областям.

Именно после завершения войн с соседями в России все чаще стали появляться исследования, целью которых было изучение как политико-экономического, так и военного потенциала приграничных областей Турции и Ирана. Серьезную работу в деле изучения соседних стран вели посольства и консульства Российской империи в этих странах, а также Штаб Кавказского военного округа. Так как Россия считала приграничные районы Османской империи, а также Ирана возможным военным театром, то имела там своих гласных и негласных военных агентов, которые поставляли ценную информацию не только

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (Nugzar Ter-Oganov)

сугобо военного характера, касающуюся состояния вооруженных сил, но и весьма богатый материал о национальном и религиозном составе той или иной области, а также о ее военном потенциале.

Поскольку Курдистан, в целом, считался одним из предположительных театров военных действий Кавказской армии, в России еще с 30-х годов XIX столетия приступили к его серьезному изучению. С самого начала курды стали представлять определенный интерес для военно-политических кругов России. В различных донесениях о курдах их авторы, как правило, обращали внимание на особый статус курдских племен. "Впрочем, курды, – писал в свое время князь Щербатов, – кочуя то в горах Азербайджана и Карадага, то в горах Азиатской Турции, не признавали себя подвластными ни Персии, ни Турции" (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1, Д. 378. Л. 421).

2. Обсуждение и результаты

Необходимо отметить, что благодаря путевому журналу Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению в 1849-1852 гг., были получены ценнейшие сведения о Курдистане, а также о курдах, проживавших по обе стороны турецко-персидской границы (Чириков, 1875). В деле исследования Курдистана внес свой вклад замечательный русский востоковед Н.В. Ханьков. Как известно, в 1853 году, т.е. незадолго до начала Крымской войны, на страницах газеты "Кавказ" появился его отчет о поездке в Персидский Курдистан (Ханьков, 1853). Уже после окончания войны, в 1856 г., все еще занимая должность Генерального консула в Тавризе, Н.В. Ханьков побывал в Соудж-Булаке, где ему удалось собрать обширные сведения о положении в Турецком Курдистане (Халфин, Рассадина, 1977: 111-112).

Особую ценность Турецкий Курдистан приобрел в глазах военно-политических кругов России после ее победы в войне с Турцией 1877-1878 гг., когда была установлена новая русско-турецкая граница, которая просуществовала вплоть до начала Первой мировой войны (1914-1918). Новая граница, в определении которой принимал самое деятельное участие председатель разграничительной комиссии А.С. Зеленой, бывший военный агент в Константинополе, давала неоспоримые стратегические преимущества Кавказской армии (Тер-Оганов, 2015: 26). В 80-х годах XIX в. заострил свое внимание на обострение курдского вопроса негласный военный агент ШКВО, а позднее вице-консул в Ване К.П. Камсаракан (Камсаракан, 1884: 34-46), занимавшийся исследованием вопроса о положении христианского населения этого края (Тер-Оганов, 2015: 62-64). В Штабе Кавказского военного округа разрабатывались различные обзоры Турецкого Курдистана, как передового театра. Между прочим, в свое время офицером генерального штаба Ф.Ф. Грязновым, тем самым, кто позднее в период Первой русской революции занимал должность начальника ШКВО, и в 1905 г. погиб от бомбы революционера, был составлен "Военный обзор передового театра в Азиатской Турции" (Тер-Оганов, 2015: 50-51), служившим основным географическим сочинением по данному краю.

Несмотря на появление многочисленных исследований о Курдистане, в конце столетия полковник генерального штаба Карцев в своих "Заметках о курдах" все же был вынужден констатировать отсутствие достоверной информации о курдах. "Всекие точные сведения о курдах [в данном случае автор имеет в виду курдов Турции – Н.К. Тер-Оганов] очень трудно добыть, их нет и у турецкого правительства, литература предмета довольно обширна, но не полна, а главное, между временами наблюдений разных авторов прошло столько лет, что трудно сделать общие выводы" (Карцев, 1897: 337). Это говорил человек, благодаря которому сегодня мы имеем подробнейшую карту расселения курдов в Турции и Персии накануне XX столетия. Заслуга Карцева состоит еще и в том, что, пользуясь данными карты расселения армян в Турции, составленной генерал-лейтенантом А.С. Зеленым, нанес их на свою карту, тем самым, предоставив читателю полную картину национально-конфессионального состава населения обширного края. Следует заметить, что работа полковника Карцева в течение долгого времени по праву считалась основным источником по Курдистану, а приложенная к ней карта – самой верной схемой расселения курдских племен (Тер-Оганов, 2015: 195-196).

На рубеже XIX–XX вв., в свете усиления борьбы между европейскими державами за политико-экономическое влияние в Турции, Курдистан, впрочем, как и "армянский вопрос",

стал все более приковывать внимание военно-политических кругов России. Русские негласные и гласные военные агенты, занимая должность вице-консулов в Ване, Эрзеруме, Ризе, а позднее и в Мосуле, исправно отправляли свои донесения о положении в Курдистане и Турецкой Армении, а также занимались рекогносцировкой дорог этого обширного района. Следует заметить, что многие из этих работ были опубликованы в различных органах военной печати. Негласным военным агентом А.И. Гипшиусом совместно с геодезистом Д.Д. Геденовым в 1889 г. был обследован маршрут, длиной три тысячи верст: Игдыр-Ван-Битлис-Диарбекры-Муш-Эрзерум-Эрзинджан, и далее: Токат-Сивас-Аллепо (Халеб), охватывающий Турецкую Армению, Курдистан и Сирию (*Сборник маршрутов...*, 1892). Тема Курдистана и курдов все больше стала занимать умы в Штабе Кавказского военного округа. В 1900 г. вышла в свет интересная работа П.И. Аверьянова (позднее он занимал должность русского военного агента в Эрзеруме) о турецких, персидских и русских курдах (*Аверьянов, 1900*). В 1903 г. бывшим вице-консулом и военным агентом в Ване А.Г. Туманским, в дальнейшем известным востоковедом, был опубликован "Очерк района Эрзерумского и Битлисского вилайетов, прилегающего к левому флангу операционной линии – к Эрзеруму и – маршрутные описания" (*Туманский, 1909*).

Особую лепту в изучении предполагаемого театра военных действий внес В.Т. Маевский, занимавший должность вице-консула сначала в Ване (1895-1900 гг.), а затем (1900-1914 гг.) в Трапезунде и Ризе. На самом же деле В.Т. Маевский, пользуясь дипломатическим прикрытием, изъездил всю Малую Азию, и в течение двадцати лет исполнял роль негласного военного агента ШКВО. За время своей работы в Турции он написал "Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов" (*Маевский, 1904*), а также много работ, которые затем были опубликованы в виде отдельных статей в военной печати. Особо хочется подчеркнуть, что его высокопрофессиональные труды оказали большую услугу Кавказской армии при проведении военных операций на территории Восточной Турции в период Первой мировой войны (*Тер-Оганов, 2015: 218*).

Своеобразным продолжением работы В.Т. Маевского в области изучения Ванского и Битлисского вилайетов можно считать служебную командировку подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова и штабе-капитана К.Н. Смирнова в восточную Турцию в 1904 году. Эту поездку К.Н. Смирнов вкратце описал в своей черновой записке (*Тер-Оганов, 2006: 109-141*). Следует заметить, что сам подполковник В.П. Ляхов по материалам этой поездки составил военно-статистический отчет, который в дальнейшем, а именно в 1906 г., был опубликован Штабом Кавказского военного округа (*Ляхов, 1906*).

Как известно, в результате русско-японской войны, начавшейся в феврале 1904 года, многие воинские части Кавказской армии были переброшены на Дальний Восток. Оголение Кавказской оборонительной линии вызывало естественную тревогу в Штабе Кавказского военного округа, так как создавшейся ситуацией, как полагали там, могла воспользоваться Турция. Слухи о мобилизации частей IV армейского корпуса турецкой армии на русско-турецкой границе еще более усиливали тревогу военного начальства кавказского края. С другой стороны, агентурные сведения подтверждали военные приготовления Турции. Дело стало принимать серьезный оборот. В результате, российский посланник в Константинополе "вошел с представлением к Порте". В ответ на высказанные российской стороной опасения по поводу военных приготовлений Турции, султан стал отрицать какое-либо намерение напасть на Закавказье. Что же касается мобилизации частей IV корпуса, то это действие он объяснил "необходимостью подавить армянское восстание в Сасуне и в пограничной с Кавказом полосе". В подтверждение правоты своих слов султан предложил российской стороне на местах ознакомиться с положением дел. Для этого обратился к ней с просьбой, прислать в распоряжение упомянутого армейского корпуса офицера Генерального штаба. В ответе на это предложение султана, кавказское военное начальство решило командировать в Турцию перспективного обер-офицера, подполковника Генерального штаба В.П. Ляхова. Так как он не владел турецким языком, в окружном штабе стали искать кандидатуру переводчика. После языкового экзамена, устроенного генерал-лейтенантом

* Как известно, первое восстание армян в Сасуне, в 1894 году, было жестоко подавлено турецким султаном Абдул-Гамидом – Н.К. Тер-Оганов.

А.С. Зеленым, на должность переводчика турецкого языка при подполковнике В.П. Ляхове был назначен штабс-капитан К.Н. Смирнов.

6 мая 1904 г., расположившись в поезде Тифли-Карс, подполковник В.П. Ляхов в сопровождении штабс-капитана К.Н. Смирнова отправился к турецкой границе. Как выясняется из записки, на лошадях за два месяца они проехали около 1 тысячи верст по заранее намеченному маршруту: Тифлис–Эриван–Баязид–Битлис–Муш–Хныс–Буланьк–Алашкерт–Эрзерум–Ардаган–Карс.

Во время поездки в Турцию, как об этом признается сам К.Н. Смирнов, была собрана интересующая их информация военно-политического характера. Кстати, К.Н. Смирнов в конце записки о поездке в Турцию указывает на полезность этого путешествия, в ходе которого которого он основательно ознакомился "с турецкой армией и районом курдов", что, в свою очередь, очень пригодилось ему во время работы в 1906-1907 гг. в новообразованном разведывательном отделении Штаба Кавказского военного округа ([Тер-Оганов, 2006: 141](#)).

Можно предположить, что интерес России к Турецкому Курдистану особенно возрос после подписания в августе 1907 г. англо-русского соглашения, согласно которому стороны поделили между собой сферы влияния в Иране. Как известно, в результате подписанного соглашения Иранский Курдистан, впрочем как и вся северная часть страны, оказался в орбите политико-экономического влияния России. Это обстоятельство не могло не побудить Россию заострить внимание на турецкую часть Курдистана, в отношении которой она имела определенные военно-политические расчеты. Кроме того, по мере ухудшения русско-турецких отношений, и опасений, связанных с возможным вторжением турецких войск в Закавказье, Штаб Кавказского военного округа стал проявлять повышенный интерес к тылам турецкого IV армейского корпуса – к Месопотамии, где был расположен VI армейский корпус турков, подкреплявший турецкую армию на кавказском фронте.

Поставив перед собой конкретную цель – обследовать южную часть Курдистана, а также прилегающие к стратегической линии Багдад–Керманшах районы Месопотамии, высшее военное руководство пришло к мысли о необходимости перемещения вице-консульства из Вана в Мосул ([Тер-Оганов, 2015: 72](#)). В 1908 г. на должность первого вице-консула в Мосуле (1908-1910), с возложением на него функций военного агента, был назначен офицер Генерального штаба А.В. Бензенгр. Результаты его деятельности в качестве негласного военного агента нашли отражение в его "Записке о Курдистане" ([Бензенгр, 1911](#)), где автор сделал обзор турецкого и персидского Курдистана, а также дал полную характеристику положения курдских племен. Большой вклад в военно-топографическом исследовании Курдистана внесли многие известные русские негласные военные агенты, как Н.Р. Добошинский, Р.И. Термен ([Маршрутные описания..., 1908](#)), А.И. Ияс ([Поездка по северному..., 1915](#)) и другие.

В соответствии с разработанными в ШКВО планами, в будущей войне с Османской империей турецкому Курдистану отводилась роль передового театра. Не следует забывать и о том, что захват данного района Россией с его коммерческими возможностями для международной транзитной торговли, сулил ей немалую экономическую выгоду, тем более что район расположения IV корпуса турецкой армии непосредственно граничил с Месопотамией.

Первая мировая война наглядно показала значимость так называемого "курдского вопроса" в деле решения военно-политических задач России в Турции. Будущее Турции в России рассматривали через призму решения курдского и армянского вопросов. В России серьезно полагали, что после победы над Турцией к ней отошла бы солидная часть турецкого Курдистана. О том, каковы были планы России в отношении этого региона, и как отдельные русские военные специалисты предлагали решить, например, "курдский вопрос", дает ясное представление "Краткая записка об управлении курдами и о нуждах русских курдов" ([АНЦРК. Ф. 39. \(личный архивный фонд К.Н. Смирнова\), без описи. Д. 25](#)), составленная сотрудником разведывательного отделения ШКВО штабс-капитаном К.Н. Смирновым 31 декабря 1914 года, то есть спустя два месяца после начала активных военных действий на Кавказском фронте. Ниже предлагаем полный машинописный текст записки. Следует присовокупить, что данная записка не известна широкой научной общественности и впервые вводится нами в научный оборот.

*Краткая записка
об управлении курдами и о нуждах русских курдов*

Война с Турцией в настоящем ее положении дает основание предполагать, что в результате, от Турции отойдет значительный кусок территории, населенной главным образом курдской народностью.

Вероятнее всего, что России придется взять на себя попечение об этих курдах, в виду чего необходимо заранее подготовиться к такой возможной перспективе. Трудно себе представить, в какие формы выльется разложение Турецкой империи в этих странах, и к каким результатам приведут взаимоотношения живущих здесь курдов и армян. Едва ли осуществится наиболее удобная для нас комбинация разделения Армении-Курдистан на отдельные небольшие государства под нашим протекторатом.

Трудно также ожидать, чтобы настоящая война решила окончательно курдский вопрос, ибо вопрос этот еще в зачаточном состоянии, а масса населения Курдистана слишком еще косна и неподготовлена для восприятия идей понятных только немногим курдским патриотам и мечтателям вроде Кемаль-Бея. К тому же Кемаль-Бей или другие подобные агитаторы являются скорей претендентами на новые престолы, чем действительными освободителями народа от турецкого ига.

Вернее всего предполагать, что в результате войны и весьма вероятного междоусобия в Армении-Курдистане к России отойдет весь Баязидский санджак, а может быть и еще большая часть территории не только Турции, но и прилегающей части Персии.

На подобную перспективу Россия не может смотреть иначе, как на новую тяжелую обязанность, посылаемую историческим роком и потому следует употребить все усилия, дабы справиться с новой задачей с возможно меньшей затратой сил и средств.

Область эта не может обещать России каких либо существенных выгод и на возможность ее присоединения надо смотреть почти исключительно как на приобретение нового плацдарма, вынесенного подальше вперед от губерний и областей, имеющих более жизненное значение для России с Кавказом. За исключением же этого область эта может нас интересовать только еще разве, как новые земли для раздачи или колонизации их безземельным населением Эриванской губернии, в числе которого первое место в этом отношении занимают опять таки курды.

Для того чтобы меньше затрачивать сил и средств, рационально было бы создать здесь полунезависимый курдский амирет (княжество) с поставленным нами эмиром, который во всем должен беспрекословно слушаться приставленного к нему резидента.

Если же по политическим мотивам будет признано нежелательным создание здесь курдского княжества, то тогда надо учредить здесь особое управление, вполне подходящее к формам общежития курдов. И самое лучшее, привлечь к управлению самих курдов путем назначения более влиятельных из их старшинами, низшими судьями, или может быть создать даже нечто вроде общинных советов, как это широко практикуется англичанами в Индии.

Если генерал-майор Шамшадинов* оправдает возлагаемые на него надежды, то может быть, будет признано допустимым исполнить его желание, назначив его начальником курдов, т.е. как бы правителем или губернатором, а вместе с тем во главе управления курдами поставить опытного администратора в чине полковника, приравняв его по правам к помощникам военных губернаторов.

* Генерал-майор Шамшадинов был родоначальником Зиланских курдов и состоял "при войсках Кавказского военного округа". Его донесения в ШКВО проливают свет на многие вопросы истории курдов (ЦГИАГ. Ф. 1438. Оп. 1. Д. 386. Л. 16, 42). Следует заметить, что в октябре 1914 г. к генералу Шамшадинову был прикомандирован автор предлагаемой записки штабс-капитан К.Н. Смирнов. Последний вместе с Шамшадиновым ездил в районы расселения курдов: в Макинское ханство, Баязид, Диадин, и Каракилису, что дало ему возможность на месте ознакомиться с положением живущих там курдов (Тер-Оганов, 2015: 260).

Подобное положение долго продолжаться не может, ибо генералу Шамшадинову 65 лет и он бездетен, следовательно, нет основания положение начальника курдов делать наследственным. Таким образом, после генерала Шамшадинова начальник курдского управления фактически сделался бы и начальником курдов, так как другие родственники генерала Шамшадинова находятся в очень маленьких чинах милиции и нет никакого основания/ выдвигать их.

В краткой записке неуместно касаться штата управления курдами, вопроса взаимоотношения курдского управления к податным, судебным и прочим учреждениям. Надо только отметить желательность подчинения курдского управления непосредственно высшей власти Кавказа в порядке военно-народного правления.

При этом желательно было бы режим управления курдами приблизить к режиму казачьих войск, ибо уже много лет курды Турции организованы в полки легкой кавалерии, и переход сразу на гражданский режим без отбывания личной воинской повинности может привести к беспорядкам и грабежам, просто потому, что масса людей останется без привычного для них дела.

Готовясь к возможности увеличения количества курдского населения с точки зрения военно-политических интересов в высшей степени желательно теперь же обратить внимание на положение наших курдов.

Военно-политическая задача относительно Курдистана была бы гораздо легче, если бы наши курды теперь же были бы уже представлены несравненно лучше наших будущих подданных или вассалов и положение их было бы предметом зависти для зарубежных курдов.

Надо чистосердечно сознаться, что нами сделано слишком мало для того, чтобы из такого нетронутого еще цивилизацией народа, как курды, создать полезный элемент населения империи. Между тем курды народ далеко небезнадежный, [они] обладают многими хорошими задатками патриархальных народов, что признается и нашими чиновниками, в большинстве случаев нелюбящими население и в том числе, и курдов, а курды, в свою очередь, терпеть не могут чиновников.

Не вдаваясь в разбор причин такого печального положения, нельзя только не отметить, что чиновничество, ненавидящее население, и население, ненавидящее чиновников, представляет из себя явление вполне уродливое, и России, распространившей свои пределы до Арарата и несущей культуру в среду диких народов.

Путем бесед с лицами администрации и самими курдами можно составить следующее впечатление о нуждах курдов: Во-первых, как много лет не перестает заявлять об этом Эриванский губернатор, курдов надо обеспечить землей, а в некоторых местах и водой.

Сравнивая положение наших курдов с положением их единоплеменников в Турции и Персии, нельзя не прийти к заключению, что положение наших курдов несравненно хуже положения курдов зарубежных. Например, персидские джелалинцы* 8 раз в году меняют место кочевки. Наши же курды имеют кочевку, которая хватает им только на два самых жарких месяца и давно лишены крайне необходимых мест весенней и осенней кочевок.

В Турции аширетные (то есть, кочевые – Н.К. Тер-Оганов) курды живут гораздо зажиточнее, чем оседлые (так называемые курды райетные), что вытекает из самых условий труда и жизни патриархального скотовода и земледельца. У нас же именно создаются условия, ставящие наших курдов в положение райетных курдов Турции.

Почему-то многие думают, что культура заключается именно в обращении полукочевого населения в совершенно оседлое. Бесспорно, это бывает необходимо по недостатку земель, но некоторые администраторы принципиально против кочевого быта и во имя этого принципа хотят непременно хорошего пастуха обратить в плохого земледельца, стремятся к увеличению площади земледелия в ущерб

* Автор записки имеет в виду представителей курдского племени "джалали". Согласно архивным материалам, персидские джелалинцы, подведомственные Макинскому хану, нередко занимались разбоем гражданского населения, вторгаясь в пределы Эриванской губернии (ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 90. Л. 2).

скотоводству, хотя, почему-то, заставить переходить курда к более тяжелому виду труда, и вообще, заставить население в жаркие месяцы сидеть непременно в знойных лихорадочных низменностях с мириадами насекомых, изнуряющих и людей, и скот. Так уж со школьной скамьи, от уроков географии, у многих на всю жизнь остается убеждение, кажущееся неоспоримым, что переход населения на оседлый образ жизни является первым благом культуры, но самом деле оно не всегда так и, в частности, следовать этому принципу, применяя его к курдам, большая ошибка.

Администрация утверждает, что земля почти нет, а курды уверяют, что есть пустующие казенные земли и что если бы только правительство захотело, то могло бы наделить их весенними и осенними кочевками, или хотя бы пахотной землей.

Не имея фактического материала, трудно судить насколько правы курды, но следует однако иметь в виду, что если, в действительности, земля сейчас нет, то они могут оказаться в результате войны с Турцией, и именно земли пригодные для курдского хозяйства, а для их хозяйства годятся даже, по-видимому, абсолютно негодные потоки застывшей лавы или мокрые заросли камыша. Такими угодьями, например, в обилии располагают курды Макинского ханства, и наши курды с завистью смотрят на эти пустыри.

В результате войны может быть передел земель, и в таком случае, прежде всего, надо наделить землей наших безземельных и малоземельных курдов.

Не только в земельном, но и в налоговом отношении наши курды находятся в худшем положении, чем зарубежные. Наши курды платят не только гораздо больше турецких или персидских [курдов – Н.К. Тер-Оганов], но прямо таки можно сказать, что они обременены непосильными налогами. В особенности курдам тяжело, что [в] последнее время очень увеличили налог за пользование овчарниками. Эриванский губернатор находит, что этот налог необходимо уменьшить между тем, как, по слухам, предполагалось его еще увеличить. Некоторые чины администрации сами говорили мне, что ни по отношению курдов ничего не делаем за исключением выкалачивания из них налогов и довели их до нищеты.

Курд совершенно нетронутая натура и его надо всему учить. Он как хищник привык к хозяйству на огромных площадях и, как только встретился с малоземельем, впал в оседлость, не умея извлечь всю ту пользу, которую можно получить из своего небольшого надела. Необходимо научить его земелепользованию.

В Туркестане мы устраивали опытные поля, учили население новым видам культур, раздавали семена и проч. Все то же самое надо сделать и для курдов, зевая им инструкторов сельского хозяйства, скотоводства, пчеловодства, молочного хозяйства и проч.

Находят даже, что надо, наделив курдов землей, позаботиться еще, чтобы земли эта не перешла в руки экономически более сильных и предприимчивых соседей. Словом, курд нуждается еще в опеке.

Опека будет не нужна, когда народное образование проникнет в массу курдского населения. Пока среди курдов Эриванской губернии открыто только два училища – одно в Миракском обществе, другое – в Зоре.

Уже эти школы дали прекрасные результаты в смысле распространения знания русского языка и грамотности, и курды с благодарностью вспоминают основателей этих школ, из которых первая была основана трудами отставного генерала, мирвого посредника, и вторая, столь ненавидимым армянами уездным начальником полковником Богуславским (Тер-Оганов, 2015: 85, 191), убитым в смутное время на Кавказе.

Курды, несмотря на свою сравнительную дикость, отлично понимают пользу образования и очень хотели бы, чтобы число школ было увеличено, но на казенные счет. Следовало бы прийти навстречу их желаниям. По мнению Эриванского губернатора, конечно, школы должны быть открыты на казенный счет и следовало бы этим школам придать профессиональный характер. Мне кажется, что, принимая в соображение кочевой образ жизни курдов, школам, кроме того, следовало бы придать подвижный характер, т.е., чтобы школы выходили на кочевки, а не закрывались бы в это время, ибо, при нормальном образе жизни курдов кочевка продолжается не два месяца, а около полугода.

Помимо элементарного образования следовало предоставить возможность сыновьям знати получить среднее и высшее образование, дабы этим сравнять курдов с другими народами, и вместе с тем способствовать уменьшению влияния агаларов* на народ, ибо, конечно, когда образованные люди из знати будут жить не в деревнях и на кочевках, то влияние их уменьшится, и они даже отдалятся от народа, что в политическом отношении принесет нам только пользу.

Пока из курдов нет ни одного офицера с образованием, и есть только офицеры милиции. Только недавно одного мальчика приняли в Киевский кадетский корпус, к великой зависти других курдов, и только один курд Елисаветпольской губернии проходит курс университета.

Для цивилизации курдской аристократии надо принять на казенный счет десятка два мальчика в кадетские корпуса и в пансион гражданских учебных заведений. В этом отношении даже турки проявили больше заботливости о курдах, чем мы, так как в Константинополе существует так называемая аширетная школа для сыновей курдской знати.

Большим подспорьем для цивилизации курдов была бы воинская повинность слишком неестественно, с другой стороны, что мы не пользуемся для армии таким прекрасным материалом, как курды. Ошибочно думать, что курды готовые войны. Благодаря нынешним условиям жизни, многие из них никогда не держали в руках винтовки и не ездили на мало-мальски порядочной лошади. Но, как материал, они хороши, так как в большинстве случаев отличаются выносливостью, крепким здоровьем, не подорванным еще ни пьянством, ни курением опиума, довольствуются малым, приучены к покорности старшим в лице своих агаларов (т.е. своеобразно, но дисциплинированы) и все любят военную службу, считая себя военным народом.

Для них наиболее подходящая форма отбывания воинской повинности приблизительно та, которая принята в Турции, и у нас из них следовало бы сформировать часть наподобие Крымского конного полка или Осетинского дивизиона. Причем для лучшей их цивилизации и большей благонадежности на первое время можно было бы штаб-квартиру части назначить не в самом Курдистане (хотя относительно благонадежности надо заметить, что в минувшие кампании курдские милиционные части несли службу на театре войны с Турцией).

Если содержание особой курдской части и обойдется несколько дорого, как и всех подобных частей, то все же не следует останавливаться перед таким расходом, имея в виду политическое и цивилизаторское значение подобной курдской части.

Помимо всех перечисленных мер, для улучшения положения наших курдов желательно было бы изменить самый порядок, управления ими. Не говоря уже о том, что было бы весьма целесообразно выделить их в особую административную единицу или даже несколько, сообразно числу губерний, в которых курды расселены, образовав нечто вроде приставов кочевых народов Ставропольской губернии, вообще желательно было бы провести более рельефно принцип единства власти, более понятный мусульманскому населению, чем принятая ныне система существования чиновников разных ведомств и категорий. Мало развитое население совершенно теряется, не зная, к кому надо обращаться в каждом отдельном случае к приставу ли, к мировому ли посреднику, к чиновнику ли М[инистерств]-ва государств[енных] имуществ или к кому-нибудь другому. Курдам, как, впрочем, и другим мусульманам, было бы легче, если бы ими управлял единолично окружной начальник, как это было, например, в Закаспийской области до разделения уездов на приставства (но, конечно, при этом надо разделить области на большее количество мелких округов). У англичан в Индии тоже больше единства власти в управлении округами, во главе которых стоят коллекторы, пользующиеся большой властью по отношению населения.

Для того, чтобы создать у нас вроде коллектора Индии, получавшего громадное содержание, у нас тоже необходимо прибавить, и при этом весьма существенным образом, содержание чиновникам администрации, уменьшив их количество. То и другое весьма облегчит положение курдов, которые уверяют, что вся эта масса чиновничества

* Агалар – персидско-турецкая термин – здесь: курдская знать – Н.К. Тер-Оганов.

берет взятки в той или другой форме. Положим тут может быть и много клеветы, но с другой стороны нет ничего удивительного, если, в самом деле, многие из чиновников, получающие в высшей степени мизерное содержание при настоящей дороговизне принуждены пользоваться незаконными доходами.

Во всяком случае, обременение населения налогами и многочисленной администрацией в военно-политическом отношении, конечно, факт особенно вредный. Может быть поэтому здесь имела сравнительный успех панисламистская пропаганда, и вернее всего, что именно поэтому мусульманское население при-Араратского района, в том числе, конечно, и курды, по меньшей мере, равнодушны слухам о временной замене русской власти турецкой в случае вторжения сюда турков, и туркам было бы весьма нетрудно поднять здесь восстание.

Относясь критически к большинству того, что сделано нами по части управления курдами, нельзя, однако не одобрить того, что весь режим управления способствовал умалению власти и влияния курдских агаларов. Покупать влияние этих людей слишком дорого и малонадежно и поэтому, действительно, самое лучшее их развенчать в глазах населения. Это проделано нашей администрацией не только весьма планомерно, но и осторожно. Теперь власть не только пристава, но и правительственного старшины гораздо больше, чем родоначальника, генерала Шамшадинова. Некоторых курдских агаларов проводят на должности правительственного старшины или начальника кочевков, но в то же время есть старшины из курдов по выборам, далеко не из лучших фамилий.

В этом отношении надо продолжать начатую работу, но чтобы гарантировать себя от агитации недовольной и озлобленной курдской знати, надо немного заняться ею. Во-первых, дать возможность некоторой части молодежи получить хорошее образование, дабы они могли найти удовлетворение честолюбию, путем службы или общественной деятельности в более широких кругах, чем деятельность среди своих единомышленников.

Затем, и немедленно, как только представится возможность, необходимо наделить агаларов землей, совершенно выделив их доли из общих со всеми курдами овчарников, кочевков и т.р. угодий.

Для этого надо серьезно разобраться по документам, историческим справкам и применительно к нашим понятиям и законам, кто действительно имеет право считаться дворянином. Таких лиц, наделив землей сообразно степени их родовитости и заслуг перед Россией, необходимо занести в дворянские книги, и некоторым, как например, старшим линиям фамилии Шамшадиновых или Фатыбековых и друг[их], может быть даже пожаловать княжеский титул в виду несомненной их родовитости, во всяком случае, не меньшей, чем большинство грузинских князей.

Все перечисленные мероприятия, как относительно всего курдского народа, так в частности в отношении курдской аристократии, необходимо было бы осуществить поскорей, безотлагательно приступив к их обсуждению. Этого требует не только элементарная справедливость, но и наши военно-политические интересы в этом крае. Слишком ненормально, что мы начинаем думать о курдах только тогда, когда у нас обостряются отношения с Турцией и доходят до войны, а как только война минует, мы о них забываем, сдавая все записки о курдах в исторические архивы. При таких условиях нет ничего удивительного, что курды не привязаны к нам и недовольны нашей властью. Однако, отмечая недовольство курдов, надо отметить и то обстоятельство, что причиной своих тяжелых условий курды считают исключительно низших царских слуг, к высшей же власти Кавказа и губерний они относятся с полным уважением, а имя Государя Императора чтят должным образом, как подобает верноподданным.

Гв[ардии] штабс-капитан Смирнов
31 декабря 1914 г.

Исходя из содержания текста вышеприведенной записки, мы не знаем составил ли ее К.Н. Смирнов по поручению Штаба Кавказского военного округа или же она была его личной инициативой. Тем не менее данная записка, судя по дате ее составления, дает нам

основание утверждать, что интерес Смирнова к проблеме так называемого "курдского вопроса" и путям ее решения был неслучайным. Его командирование в распоряжении родоначальника Зилянских курдов, генерал-майора Шамшадинова, и его живое соприкосновение с жизнью курдов, скорее всего, и подтолкнуло Смирнова к мысли об изложении своего взгляда по данному вопросу.

Анализ записки позволяет нам сделать несколько заключений относительно путей решения "курдского вопроса", как это представлялось К.Н. Смирнову. В первую очередь, следует обратить внимание на то, что в самый разгар Первой мировой войны, когда положение на турецком фронте в конце 1914 г. вызывало тревогу у военного командования Кавказского края, Смирнов высказывает уверенность в окончательной победе над Турцией. В результате последней, по его предположению, к России могла отойти солидная часть турецкого Курдистана, а именно Баязидский санджак (между прочим, это тот самый санджак, который, по решению Берлинского конгресса в 1878 г., был возвращен Турции). То есть, из вышесказанного следует, что Россия была нацелена на решение важной геополитической задачи, которая преследовала две цели. Одна заключалась в территориальном расширении империи, когда военный плацдарм был бы вынесен далеко от границ Закавказья, что создавало большое преимущество для кавказской армии. Вторая цель преследовала экономические интересы. Передвинув границу к линии расквартирования VI армейского корпуса турецкой армии, у России появлялась реальная возможность в будущем выхода на пути международной транзитной торговли, проходящих через Месопотамию, что кардинальным образом могло изменить торгово-экономический баланс в пользу России на Ближнем Востоке.

Кроме решения геополитической задачи, смирновский проект предусматривал решение проблемы безземельных курдов Закавказья, которых он предлагал расселить на завоеванной территории. Для лучшего управления делами курдов, по его мнению, следовало создать полунезависимое курдское княжество или амирет, во главе которого стоял бы лояльный России эмир, которому с российской стороны следовало бы приставить полномочного резидента. Функции резидента должны были быть схожи с функцией английского резидента в Индии, то есть он должен был обладать широчайшими правами. Или же, по мнению Смирнова, по аналогии с английской системой управления, успешно практиковавшейся англичанами в Индии, России следовало перенять их опыт, и учредить "особое управление" для курдов.

Вместе с тем, учитывая специфику быта курдов, следовало установить такой режим управления, который был бы схожим с казачьим режимом управления, причем взяв за образец систему организации турками курдской легкой кавалерии. С этой целью следовало, как полагает автор записки, организовать воинскую часть из курдов наподобие Крымского конного полка или Осетинского дивизиона. Как видно из записки, Смирнов предлагал подчинить "особое управление" курдов непосредственно кавказской администрации.

Следует заметить, что Смирнов не одобрял практику перевода курдов-кочевников на оседлый образ жизни, который широко применялся кавказской администрацией. По мнению Смирнова, курдам было трудно менять свой менталитет, тесно связанный с кочевым образом их жизни на оседлый. Согласно ему, перевод закавказских курдов на оседлость лишил многих курдов средств пропитания. Для смены их образа жизни, по убеждению Смирнова, было необходимо внести, прежде всего, просвещение в курдские массы, а представителям курдской племенной знати давать среднее и военное образование, а также использовать ту практику ведения сельского хозяйства среди кочевников, которую успешно применяла администрация Туркестана.

3. Заключение

История исследования проблемы Курдистана и "курдского вопроса", а также записка К.Н. Смирнова на эту тематику являются наглядной иллюстрацией живого интереса военно-политических кругов России и, в частности, Штаба Кавказского военного округа, относительно путей возможного их решения.

Литература

[Аверьянов, 1900](#) – Аверьянов П.А. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис. Издание отдела Генерального штаба при Штабе Кавказского военного округа, 1900.

[АНЦРК](#) – Архив национального центра рукописей Грузии.

[Бензенгр, 1911](#) – Бензенгр А.В. Записка о Курдистане. – Сборник материалов по Азии, вып. LXXXIV, СПб., 1911.

[Камсаракан, 1884](#) – Камсаракан К.П. Вторжение шейха Обеид-Уллы в Персию в 1880 году. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск XI. СПб.: Военная типография (в здании Главного штаба), 1884. С. 34-46.

[Карцев, 1897](#) – Карцев, полковник Генерального Штаба. Заметки о курдах. – "Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества", книжка XIX, Тифлис, 1897.

[Ляхов, 1906](#) – Ляхов В.П. Отчет Генерального штаба подполковника Ляхова о командировании его в Турцию в 1904 году. Тифлис: Издание Штаба Кавказского военного округа, ч.1-2, 1906.

[Маевский, 1904](#) – Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904.

[Маршрутные описания..., 1908](#) – Маршрутные описания путей в Эрзерумском и Ванском вилайетах, составленные Н.Р. Добошинским и Р.И. Терменом в 1905, 1906 и 1907 годах. Тифлис: Издание разведотделения Штаба Кавказского военного округа, 1908.

[Поездка по северному..., 1915](#) – Поездка по северному персидскому Курдистану л.-г. Литовского полка полковника Ияса А.И., бывшего российского императорского консула в Соудж-Булаке, Петроград, 1915.

[РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.

[Сборник маршрутов..., 1892](#) – Сборник маршрутов, пройденных в совместной поездке Д.Д. Гедеоновым и А.И. Гиппиусом по пути астрономических рейсов в Турецкой Армении, Курдистане и Сирии. Тифлис, Издание Штаба Кавказского военного округа, 1892.

[Тер-Оганов, 2006](#) – Тер-Оганов Н.К. Поездка подполковника Генерального штаба В.П.Ляхова и штабс-капитана К.Н. Смирнова в Турцию в 1904 году. // Russian History. Vol.33, №1, 2006, с.109-141.

[Тер-Оганов, 2015](#) – Тер-Оганов Н. Из истории разведки ШКВО в Турции и Иране (1870-1918 гг.). Саарбрюкен: Lambert Academic Publishing, 2015.

[Туманский, 1909](#) – Туманский А.Г. Очерк района Эрзерумского и Битлисского вилайетов, прилегающего к левому флангу операционной линии – к Эрзеруму и – маршрутные описания (Отчет о полевой поездке 1903 года). Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1909.

[Халфин, Рассадина, 1977](#) – Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханьков – востоковед и дипломат. Москва: Издательство "Наука", Главная редакция восточной литературы, 1977.

[Ханьков, 1853](#) – Ханьков Н.В. Поездка в Персидский Курдистан // газета "Кавказ", № 22, 25, Тифлис, 1853.

[ЦГИАГ](#) – Центральный государственный исторический архив Грузии.

[Чириков, 1875](#) – Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849-1852. Под редакцией М.А. Гамазова. СПб.: Типография О.И. Бакста, 1875.

References

[Aver'yanov, 1900](#) – Aver'yanov P.A. Kurdy v voynakh Rossii s Persiei i Turtsiei v techenie XIX stoletiya. Sovremennoe politicheskoe polozhenie turetskikh, persidskikh i russkikh kurdiv. Istoricheskii ocherk. Tiflis. Izdanie otdela General'nogo shtaba pri Shtabe Kavkazskogo voennogo okruga, 1900.

[ANTsRK](#) – Arkhiv natsional'nogo tsentra rukopisei Gruzii.

[Benzengr, 1911](#) – Benzengr A.V. Zapiska o Kurdistane. – Sbornik materialov po Azii, vyp. LXXXIV, SPb., 1911.

Kamsarakan, 1884 – Kamsarakan K.P. Vtorzhenie sheikha Obeid-Ully v Persiyu v 1880 godu. – Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vypusk XI. SPb.: Voennaya tipografiya (v zdanii Glavnogo shtaba), 1884. S. 34-46.

Kartsev, 1897 – Kartsev, polkovnik General'nogo Shtaba. Zametki o kurdakh. – "Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva", knizhka XIX, Tiflis, 1897.

Lyakhov, 1906 – Lyakhov V.P. Otchet General'nogo shtaba podpolkovnika Lyakhova o komandirovanii ego v Turtsiyu v 1904 godu. Tiflis: Izdanie Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, ch.1-2, 1906.

Maevskii, 1904 – Maevskii V.T. Voенно-statisticheskoe opisaniye Vanskogo i Bitlisskogo vilaietov. Tiflis, 1904.

Marshrutnye opisaniya..., 1908 – Marshrutnye opisaniya putei v Erzerumskom i Vanskom vilaietakh, sostavlennyye N.R. Doboshinskim i R.I. Termenom v 1905, 1906 i 1907 godakh. Tiflis: Izdanie razvedotdeleniya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1908.

Poezdka po severnomu..., 1915 – Poezdka po severnomu persidskomu Kurdistanu l.-g. Litovskogo polka polkovnika Iyasa A.I., byvshego rossiiskogo imperatorskogo konsula v Soudzh-Bulake, Petrograd, 1915.

RGVIA – Rossiiskii gosudarstvennyi voенно-istoricheskii arkhiv.

Sbornik marshrutov..., 1892 – Sbornik marshrutov, pridennykh v sovместnoi poezdke D.D. Gedeonovym i A.I. Gippiusom po puti astronomicheskikh reisov v Turetskoi Armenii, Kurdistane i Sirii. Tiflis, Izdanie Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1892.

Ter-Oganov, 2006 – Ter-Oganov N.K. Poezdka podpolkovnika General'nogo shtaba V.P.Lyakhova i shtabs-kapitana K.N. Smirnova v Turtsiyu v 1904 godu. // Russian History. Vol. 33, №1, 2006, c.109-141.

Ter-Oganov, 2015 – Ter-Oganov N. Iz istorii razvedki ShKVO v Turtsii i Irane (1870-1918 gg.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015.

Tumanskii, 1909 – Tumanskii A.G. Oчерk raiona Erzerumskogo i Bitlisskogo vilaietov, prilgayushchego k levomu flangu operatsionnoi linii – k Erzerumu i – marshrutnye opisaniya (Otchet o polevoi poezdke 1903 goda). Tiflis: Tipografiya Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1909.

Khalfin, Rassadina, 1977 – Khalfin N.A., Rassadina E.F. N.V. Khanykov – vostokoved i diplomat. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka", Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1977.

Khanykov, 1853 – Khanykov N.V. Poezdka v Persidskii Kurdistan // gazeta "Kavkaz", № 22, 25, Tiflis, 1853.

TsGIAG – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii.

Chirikov, 1875 – Chirikov E.I. Putevoi zhurnal E.I. Chirikova, russkogo komissara-posrednika po turetsko-persidskomu razgranicheniyu 1849-1852. Pod redaktsiei M.A. Gamazova. SPb.: Tipografiya O.I. Baksta, 1875.